

DOI: 10.15372/HSS20190207
УДК 394(571)"15/17"

А.А. ЛЮЦИДАРСКАЯ

ПРИРОДНЫЕ И ЛАНДШАФТНЫЕ ГРАНИЦЫ КАК ЗНАКИ РУБЕЖЕЙ ТЕРРИТОРИЙ

Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, пр-т ак. Лаврентьева, 17

Настоящая статья является продолжением разработки темы символического разграничения пространства в XVII в. Рассматривается использование природных объектов как символов ограждения пространства. Впервые обращается внимание на различные виды определения границ, в том числе и нерукотворные. Природными границами служили реки, водоемы, овраги и другие объекты, которые успешно использовали первопоселенцы Сибири. Адаптивное населенное пространство понимается нами как пространство, позволяющее различным группам жителей бесконфликтно проживать на территории в соответствии с их образом жизни и в то же время создавать новые формы взаимодействия. Адаптивные модели поведения на обжитом пространстве являются жизненными стратегиями, которые выбираются представителями той или иной группы населения без ограничений, накладываемых внутригрупповыми предписаниями, обычаями, ритуалами. Цель исследования – попытаться найти ответ на вопрос, насколько сильно поликультурные, раздробленные и изолированные территории могут превращаться в единое административное пространство с жестко очерченной структурой, в какой степени здесь могут функционировать общности с высокоадаптивными моделями поведения и какие иные модели поведения могут встречаться на таких территориях.

Ключевые слова: Сибирь, русские, казаки, пространство, территория, граница, межа, природные объекты, архетип, символ, знак.

А.А. LUTSIDARSKAYA

NATURAL AND LANDSCAPE BORDERS AS SIGNS OF THE TERRITORIES' FRONTIERS

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
17, Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The author continues elaborating the topic of symbolic demarcation of the space inhabited by Russian pioneers in Siberia in the XVII century. The paper considers using natural objects as symbols of fencing the territory. For the first time, the study focuses on various types of borders' definition including natural ones. The first Siberian settlers often use drivers, reservoirs, ravines, noticeable trees and other objects as natural boundaries. The author introduces a concept of adaptive populated space into scientific use. It is a space that allows different groups of residents to live in a conflict-free area in accordance with their established lifestyle and, at the same time, to create new forms of interaction. Adaptive behavior patterns in the habitable space are life strategies that members of a population group choose without limitations imposed by intra-group prescriptions, customs, rituals. The study objective is to find answers to questions: how strongly multicultural, fragmented and isolated territories can turn into a single administrative space with a strictly defined structure; to what extent communities with highly adaptive models of behavior can function here; what other behavior models can occur in such territories. The author declares that the boundaries establishment is, in fact, a division. Fencing a territory in any space means establishing the ownership of this part of the space, or claiming possession of a territory. This universal rule is preserved not only in human communities, but in the animal kingdom as well, where animals mark their territories showing habitats to other fauna representatives. Human communities have been demarcating the space into their own and that of others since ancient times. The archetypal nature of this opposition demonstrates transpersonal forms of consciousness, leading to transformation of chaos into order. Individualizing space, the territory is divided into its own and someone else's, dangerous and hostile. Later, the borders were lined up between the states entailing conflicts due to increase of territory.

Key words: Siberia, Russians, Cossacks, space, territory, border, boundary, natural objects, archetype, symbol, sign.

Анна Алексеевна Люцидарская – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, e-mail: lucidl@yandex.ru.

Anna A. Lutsidarskaya – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS.

На протяжении XVII в. сибирские просторы все активнее подвергались процессу хозяйственного освоения и сопутствующей ему коммодификации. Трансформации были наиболее заметны в крупных административных центрах в зонах, благоприятствующих земледелию, они проявлялись и в небольших поселениях, пространство вокруг которых использовалось для сенокосов, рыбной ловли и других добывающих промыслов. С приходом Московского государства в Сибирь возникли не только небольшие по площади городские анклавов, но и границы, очерчивающие обширные угодья сельскохозяйственного и промыслового назначения. Появлялись изолированные заимки, станицы, рыбные тони, сенокосы и др. Владения маркировались специальными знаками и фиксировались в межевых книгах. Практически одновременно царская власть стала фиксировать и промысловые угодья аборигенов.

Цель статьи – выяснить, каковы механизмы превращения поликультурных, раздробленных и изолированных территорий в единое административное пространство с жестко очерченной структурой, рассмотреть возможность применения на таких пространствах гибких адаптационных моделей. Адаптивное населенное пространство понимается нами как пространство, позволяющее различным группам жителей бесконфликтно проживать на территории в соответствии с их образом жизни и вместе с тем создавать новые формы взаимодействия. Адаптивные модели поведения на обжитом пространстве представляют собой жизненные стратегии, которые выбирают представители той или иной группы населения без каких-либо ограничений, накладываемых внутригрупповыми предписаниями, обычаями, ритуалами.

Следует заметить, что в литературе вопросы, поставленные в статье, подробно не освещались. Речь шла преимущественно о позитивном взаимодействии между средой и человеком. При этом в основном рассматривалось городское пространство. По мере развития городов влияние территориальных сообществ на человека, их роль во внутренних коммуникациях усиливается [1; 2], а также обнаруживается тенденция к усилению инициативы снизу, более активному участию жителей в создании городского пространства [3; 4]. Наряду с обсуждением вопроса о гибкости городских социопространственных миров проводятся исследования по выявлению территориальной изоляции и создания границ и барьеров. Особое место в литературе посвящено проблеме огораживания, создания границ в городах и предместьях и появления закрытых (огороженных, обнесенных заборами или стенами) владений, получивших наименование городской цитадели [5], укрепленных анклавов, баррикад из жердей [6; 7; 8], пригородных анклавов, городских крепостей, безопасных деревень [9; 10], а также частных соседств [11].

Е. Блейкли и М. Снайдер отмечают, что общины с большим количеством границ приобретают устойчивость в результате чувства безопасности, которое они

могут дать своим жителям, а также благодаря необходимости подчеркивать свой образ жизни или принадлежность к определенной социальной страте [8]. Пространственная изоляция, установление границ играют большую роль в жизни общества [12; 13; 14]. Благодаря тому что обжитая территория укладывается в четко изолированное, ограниченное пространство, жители получают большие возможности в выборе своего образа жизни, могут вступать в социальные взаимодействия, но в равной степени легко могут прекращать контакты, запираясь в стенах своих владений. Чаше всего исследователями указываются лишь природные границы местности, на которых располагались населенные пункты: это, прежде всего, водные преграды и возвышенности.

Установление рубежей пространства является, по сути, делением. Границы подтверждают права собственника или претендента на территорию. Ограждение территории в любом пространстве означает утверждение права собственности на эту часть пространства или заявление на владение этой территорией. Это универсальное правило сохраняется не только в человеческих сообществах, но и в животном мире, где тот или иной зверь метит свою территорию, показывая иным представителям фауны места своего обитания. С древнейших времен сообщества людей стали разграничивать пространство на свое и чужое. Архетипический характер этой оппозиции демонстрирует надличностные формы сознания, приводящие к преобразованию хаоса в порядок. Индивидуализируя пространство, человек делит территорию на свою и чужую, опасную и враждебную. Так география, по мнению Ю.М. Лотмана, может превращаться в символ [15, с. 55]. Позднее выстроились границы между государствами, которые влекли за собой конфликты за увеличение территорий [16, с. 9–10].

При выборе пространства под строительство городов или острожков также принимались во внимание подобные факторы. Города старались размещать на высоких местах, окруженных природными препятствиями для возможного неприятеля. При выборе места для основания города издавна учитывались такие факторы, как высота местности, наличие водных ресурсов, наличие путей сообщения, дорог и основанных на этом месте предшествующих поселений [17, с. 43–44]. В принципе, эти правила оставались справедливыми и для поселений на вновь организованных, ранее не освоенных территориях, каковой являлась Сибирь. Очень часто города строились на территории, уже выбранной для места жительства аборигенами края. Так было при строительстве в 1593 г. г. Пелыма на месте существовавшего до этого вогульского городка [18, с. 78]. Тюмень была основана в устье р. Тюменки – на месте древнего татарского поселения Чемги-Тура [19, с. 241, 269].

Те же или схожие процессы можно отметить и на уровне раздела пространства между различными сообществами, в том числе этническими. В настоящем тексте внимание концентрируется на естественных,

природных объектах, которые являются знаками принадлежности земельной собственности у русских переселенцев в Сибирь в XVII в. Земельные угодья для пахоты и выпаса скота в Томском уезде, благоприятном для развития земледелия и животноводства, нуждались в символах, подтверждающих наличие собственника. В центре внимания автора данной работы – сельскохозяйственные территории Томского уезда в XVII в. Это угодья на территориях деревень и заимок населения Томска и его округи. В данном контексте внимание уделяется в основном служилому населению города и его округи, представителям воеводской администрации, детям боярским и казакам всех рангов. Кроме того, на землях Томского уезда проживало значительное количество сыновей конных и пеших казаков, потенциального пополнения основного корпуса служилого люда.

Чаще всего заимки, где жили и работали представители служилого населения, их семьи и дворовые работники (если таковые имелись), находились поблизости или примыкали к деревням, населенным крестьянами. В архивных документах это фиксировалось таким образом: «Деревня Саломатова на реке Томи, а в ней живут дети боярские иноземного списку, конные и пешие казаки и казачьи дети...» Далее следовала запись: «Сын боярский Иван Иванов сын Литосов, а по сказке его детей у него сын Никита 1 году, а пашенная его заимка в деревне Саломатовой...», – и затем указывались размеры его угодий и соседство, означавшее границы его участка¹. Думается, что владельцы земельных участков находили способы отграничить свою собственность, ставя некие знаки в виде, например, столбов с «тесами и гранями».

Однако довольно часто природа сама подсказывала определение границ. Природные знаки были самыми разнообразными. Пашенная заимка томского конного казака И. Мангазеина находилась «в деревни Мангазеиной на реке Яе, всего длиннику 6 верст, поперечнику тож. Да сенных покосов на речке по речке Бурлы длиннику по 5 верст, а поперечнику от реки Яи до вершин речек Бурлы и Ташлы 6 верст»². В данном случае границы угодий устанавливались по рекам и небольшим речушкам, что подсказывалось самой природной средой. Кроме того, наличие близлежащей воды способствовало орошению территории, давало возможность строить водяные мельницы и промысливать рыбу. Пространство Западно-Сибирской низменности насыщено водными ресурсами, реками, речками, протоками, озерами. Эти естественные препятствия широко использовались в XVII в. для определения границ угодий.

У конного казака М. Кожевникова угодья были расположены «...на реке Оби в устье речки Аргалы, длиннику 2 версты, поперечь 4». Он же владел «луговым местом под скотинным выпуском на реке Оби

ниже деревни Кожевниковой на устье речки Малгиге Малгидинским лугом всего динику 2 версты, поперечь 0,5 версты... Рыбные и неводные тони на реке Оби вниз едучи на правой стороне под Красным Яром и под Салтанаковским бором...» Были характерны и такие ограничения территории: «Заимка от речки Ташмы до речки Каюнлыдиннику верста, поперечь полторы версты»³.

Казачий сын Петр Иванов Брагин Большой имел в собственности речку Елбачен «с рыбными и птичьими промыслами и озером Канаклоу от межи той владения его и от устья речки Елбатае, где пала в Мунгер речку вверх по той же речке Елбатае до росошей и до устья речек Елдашевой и Тогушаковой. И в той речке Елбатае и в озере Канакле ловит рыбу сетями и мордами...»⁴.

В Верхотурском уезде в начале 70-х гг. XVII в. при фиксировании земель встречаются записи такого рода, в которых отправными точками отчета при установлении владений собственника являются водные преграды. «По речке Липовке до вершины с верх Липовки речки на верх Мостовые речки, а с верх Мостовые речки на верх Каменки речки, с верх Каменки речки на ключ, от ключа прямо на Точильную гору, с Точильной горы на старую Аяцкую дорогу и на Глинку речку, а от Аяцкой дороги вверх по Глинке речке до вершин. А от Арамашевы слободы до верх Глинки речки 15 верст, то Арамашеве слободе...». Как можно отметить, в этом документе помимо рек любой ландшафтный объект, привлекающий к себе внимание, мог служить ориентиром для границ территории. В приведенном отрывке это Точильная гора, старая дорога, Арамашева слобода⁵.

По томским документам такими приметными местами, делаящими территорию томского казачьего сына Ивана Иванова, были «Заимка в деревне Дороховой в межах от межи общего их владения от соснового буяраку в поля к черным лесам по осинник подле вершины речки Кытата мерою... длиннику 1 верста, попереч от елового буяраку по верхней гриве до Кытату ж речки полторы версты...»⁶.

Нередко границу угодий определяли приметные деревья с нанесенными на них условными знаками собственника. Такой была пашенная заимка казачьего сына Владимира Приезжева, расположенная за «большим ломом», смежная с д. Крестининой и занимавшая пространство «от вершины речки Чемаклы от Большой лиственницы, на которой положены тесы и грани, подле межипешего казака.., а от Петровой межи вниз по речкам Чемаклы и Коюлы по лиственничной колок и по большой тальник до лиственницы, которая стоит среди пол, а на ней тесы и грани мерою ж 1,5 версты...»⁷.

³ Там же. Л. 122, 210.

⁴ Там же. Л. 362.

⁵ Там же. Оп. 3. Ед. хр. 885.

⁶ Там же. Оп. 1. Кн. 1371. Л. 325.

⁷ Там же. Л. 328.

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1371. Л. 7.

² Там же. Л. 7.

В данном случае тесы и грани, нанесенные на приметные деревья или вкопанные столбы, если таковых не было, являлись своеобразными подписями хозяина территории. Можно предположить, что подобную практику русские переселенцы переняли у местных коренных народов, которые отмечали свои территории родовыми символами, тамгами.

К природным объектам, отмеченным в источнике как некая граница территории, относились помимо значимых водных преград ключи, мокрые болота, буераки, березовые падуны, горы, известные в данной местности лесные массивы (боры, ельники, рощи). Все эти приметы ландшафта тщательно фиксировались в фискальных документах XVII в.

Земли, принадлежавшие частным хозяевам, отгораживались не только от соседей, они имели и защитные границы от потенциальных набегов враждебно настроенных аборигенов. В Верхотурском уезде по росписи 1672/73 г. крестьянских земель имеется запись участка, защищенного природным ландшафтом от возможных посягательств на эту территорию: «А крепки к тем угодыям от приходу калмыцких воинских людей река Иртыш, а с верхнего сторону Иртыша от Тунуских ясашных волостей земли болота и камыши топкие. А лесу по тем еленаем рощи березовые изредка»⁸.

Географическое положение пространства Сибири и ландшафты учитывались и в правительственных распоряжениях Сибирского Приказа. В грамоте Бориса Годунова от 1599 г. о выделении территории по р. Косью верхотурским жителям предписывалось: «И велеть бы по той по Косью реке в старые от зимний дороги, куды преж того была вниз по островам, и по берегам и по мелким речкам, которые в Косью впади... всякие угодыя владети» [20, с. 48].

В отписке Сибирского приказа о выделении земель вожу А. Бабинову указывалось: «...Пожаловал его Артюшку государь... на Ней реке, в Ницы реки, на усть Режу речки, вверх 10 верст через гору и по Нейве реке до Камени 10 верст через гору жна 5 лет...» [21, с. 151].

Подобные документы дают представление о том, что в Сибирском Приказе имелись описания сибирских территорий и, вероятно, их чертежи, составленные либо претендентами на земельные участки, либо представителями воеводских администраций.

Представленный материал показывает, что символическое разграничение пространства хозяйственных угодий в XVII в. на сибирских территориях осуществлялось преимущественно за счет природных объектов, присущих конкретным ландшафтам. Отличительной особенностью Сибири было наличие свободных земель, поэтому вопрос о межевании сельскохозяйственных угодий не стоял остро, однако участки земли выделялись властями или приобретались собственниками иными способами и требовали разграничений для установления фискального порядка и снижения социальной напряженности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Wellman B.* The persistence and transformation of community: From neighbourhood groups to social networks. Report to the Law Commission of Canada Wellman Associates. Toronto, 2001. 166 p.
2. *Hampton K.N., Wellman B.* Long distance community in the network society, contact and support beyond Netville // *American Behavioral Scientist*. 2001. N 45 (3). P. 477–496.
3. *Lepofsky J., Fraser J.C.* Building community citizens: Claiming the right to place-making in the city // *Urban Studies*. 2003. N 40 (1). P. 127–142.
4. *Spears J.* A Vision of a sustainable community in the city of Baltimore. Baltimore: Sustainable Design Group Inc., 1997. 56 p.
5. *Davis M.* City of quartz: Excavating the future in Los Angeles. New York: Verso, 1990. 320 p.
6. *Caldeira P.R.* Fortified enclaves: The new urban segregation // *Public Culture*. 1996. N 8 (3). P. 303–328.
7. *Caldeira P.R.* City of walls: Crime, segregation and citizenship in Sao Paulo. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 2000. 300 p.
8. *Blakely E.J., Snyder M.G.* Fortress America gated communities in the United States. Washington, DC: Brookings Institutions Press, 1997. 120 p.
9. *Landman K.* An overview of enclosed neighbourhoods in South Africa. Pretoria: CSIR Publication, 2000. 80 p.
10. *Landman K., Schonteich M.* Urban fortresses: Gated communities as a reaction to crime // *African Security Review*. 2002. N 7 (2). P. 71–85.
11. Private cities. Global and local perspective / Eds. G. Glasze, Ch. Webster, K. Franz. London: Routledge, 2006. 400 p.
12. *Фуко М.* Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова, под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999. 478 с.
13. *Гидденс Э.* Устроение общества: Очерк теории структуризации / Пер. И. Тюрина. М.: Академический проект, 2003. 525 с.
14. *Wood D.* Editorial. Foucault and panopticism revisited // *Surveillance and Society*. 2003. N 7 (3). P. 234–239.
15. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
16. *Байбурун А.К.* Ритуал: свое и чужое // *Фольклор и этнография: Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры*. Л.: Наука, 1990. С. 3–17.
17. *Дулов А.В.* Географическая среда и история России. Конец XV — середина XIX в. М.: Наука, 1983. 255 с.
18. *Соколовский И.П.* Пелым – малый сибирский город XVII в. // *Таможенные книги сибирских городов XVII века*. Новосибирск: РИПЭЛ плюс, 2001. Вып. 4. С. 3–22.
19. *Резун Д.Я., Васильевский П.С.* Летопись сибирских городов. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1989. 303 с.
20. Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII в.: сб. док. / Сост. Е.Н. Ошанина, отв. ред. А.А. Преображенский. М.: Ин-т истории СССР, 1982.
21. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М.: Восточная литература, 2005. Т. 2. 440 с.

REFERENCES

1. *Wellman B.* The persistence and transformation of community: from neighbourhood groups to social networks. Report to the Law Commission of Canada Wellman Associates. Toronto, 2001, 166 p.
2. *Hampton K.N., Wellman B.* Long distance community in the network society, contact and support beyond Netville. *American Behavioral Scientist*, 2001, vol. 45, no. 3, pp. 477–496.
3. *Lepofsky J., Fraser J.C.* Building community citizens: claiming the right to place-making in the city. *Urban Studies*, 2003, vol. 40, no. 1, pp. 127–142.
4. *Spears J.* A Vision of a sustainable community in the city of Baltimore. Baltimore, Sustainable Design Group Inc., 1997, 56 p.

⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ед. хр. 885. Л. 26.

5. Davis M. City of quartz: excavating the future in Los Angeles. New York, Verso, 1990, 320 p.
6. Caldeira P.R. Fortified enclaves: the new urban segregation. *Public Culture*. 1996, vol. 8, no. 3, pp. 303–328.
7. Caldeira P.R. City of walls: crime, segregation and citizenship in Sao Paulo. Berkeley, Los Angeles, Univ. of California Press, 2000, 300 p.
8. Blakely E.J., Snyder M.G. Fortress America gated communities in the United States. Washington, Brookings Inst. Press, 1997, 120 p.
9. Landman K. An overview of enclosed neighbourhoods in South Africa. Pretoria, CSIR Publ., 2000, 80 p.
10. Landman K., Schonteich M. Urban fortresses: gated communities as a reaction to crime. *African Security Review*. 2002, vol. 7, no. 2, pp. 71–85.
11. Glasze G., Webster Ch., Franz K. (eds.) Private cities. Global and local perspective. London, Routledge, 2006, 400 p.
12. Foucault M. To supervise and punish: the prison birth. Moscow, Ad Marginem, 1999, 478 p. (In Russ.)
13. Giddens A. The society organization: a sketch of structurization theory. Moscow, Akademicheskii proekt, 2003, 525 p. (In Russ.)
14. Wood D. Editorial. Foucault and panopticism revisited. *Surveillance and Society*. 2003, vol. 7, no. 3, pp. 234–239.
15. Lotman Yu.M. Inside minded worlds. Man – text – semiosphere – history. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury, 1996, 464 p. (In Russ.)
16. Baiburin A.K. A ritual: own and foreign. *Fol'klor i etnografiya: problemy rekonstruktsii faktov traditsionnoy kul'tury*. Leningrad, 1990, pp. 3–17. (In Russ.)
17. Dulov A.V. Geographical environment and history of Russia. The late XV – mid XIX centuries. Moscow, Nauka, 1983, 255 p. (In Russ.)
18. Sokolovskiy I.R. Pelym – a small Siberian city of the XVII century. *Tamozhennye knigi sibirskikh gorodov XVII veka*. Novosibirsk, 2001, iss. 4, pp. 3–22. (In Russ.)
19. Rezun D.Ya., Vasilevskiy R.S. Annals of Siberian cities. Novosibirsk, Novosibirsk Book Publ., 1989, 303 p. (In Russ.)
20. Preobrazhenskiy A. A. (ed.) The Upper Tura letters of the late XVI – early XVII centuries. Moscow, 1982, 200 p. (In Russ.)
21. Miller G.F. The history of Siberia. Moscow, Vostochnaya literatura, 2005, vol. 2, 440 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 04.04.2019